

1905 ГОД В ЖИВОПИСИ.

М. Добужинский. ; Идиллия (октябрь 1905 г.).

них Серов, написавший в 1905 году «9 января», «Похороны Баумана», «Казнь» и др., во время последующей реакции с той же объективностью продолжал живописать двор и буржуазию, как будто взрывы революции произошли во сне. Стеллецкий же, Билибин, и другие прямо купались впоследствии в волнах казенного патриотизма. Это и понятно. Они увенчивали своим блеском воспитавшую их культуру, обреченную на слом.

Что же, однако, заставляло этих испытанных художников отзываться на события 1905 года? Конечно, всеобщий энтузиазм. Неудачи правительства в японской войне вызвали недовольство не только рабочих, но и работодателей. Стало модным ругать правительство. И буржуазные художники дали до известной степени волю своей палитре. Но, как замечено раньше, их более всего занимали действия правительства; действия же народа выходили из круга их зрения. Народные массы для них были ковром, по которому шествовало правительство-великан.

Знаменательно, что и стиль, в котором отразился у большинства этих художников 1905 год, заимствован из старины, из иконописи и сатирических народных лубков XVIII века (Стеллецкий, Билибин), из жеманных французских анекдотов XVIII в. (Чембере) античной скульптуры (Бакст), т.-е. из искусства тех эпох, когда буржуазия была революционной. В «Радости на небесах нового манифеста ради» Стеллецкого трубящие и танцующие ангелы бесконечно ближе художнику, чем манифест. В акварели Добужинского «Умиротворение» плавающий в кровавом море Кремль с золотыми главками походит на старую сказку. Бакст переносит московские события 1905 года в Элладу и заставляет братьев Гучковых питать свое красноречие естественной влагой Ганимеда. Они точили размягченные изяществом укоризны за невинно-удавленных людей.

Но были среди художников, отражавших 1905^ю год, и такие, которые понимали актив-

Каждый социально-политический переворот выдвигает новый командующий класс, который вместе с политической ориентацией меняет и ориентацию эстетическую. Он создает новое искусство, и в первую голову ставит мотивы борьбы в ущерб иным, размягчающим мотивам человеческой жизни — мечтательности, эротике, сомнениям. Для воинствующего класса все должно быть обострено, ясно и точно, и в то время как, случайные люди в революционной борьбе тоскуют от неудач, раскаиваются и ищут забвения в мистике, — этот класс упорно идет к своей цели.

Вспоминая репетицию Октябрьской революции, — 1905 год, — нельзя не сделать одного любопытного наблюдения над искусством, отражавшим эту героическую эпоху. Лучшие наши художники — Серов, Кустодиев, Лансере, Билибин, Маковский, Чемберс, Кардовский, Бакст — отразили в своих произведениях этот революционный год. Они создали первые в России революционные картины, которые до сих пор живут в произведениях молодой русской живописи. Но среди мотивов, ими взятых, — «Расстрел 9 января», «Смерть входит в город», «Тризна», «Умиротворение», «Октябрьская идиллия», «Порядок восстановлен»... — господствует мотив подавления революции, пассив 1905 года. Всюду активной стороной является правительство, революционная же масса бежит, терпит удары. Агенты правительства имеют отвратительный, но устрашающе-победоносный вид. Господствует впечатление обиды, нанесенной ими народу, лишенному силы сопротивления.

Между тем царское правительство в 1905 году было смертельно ранено, и буржуазия, подхватившая его в трудную минуту, удержала его ненадолго. Рабочий класс, залечивая свои раны, здоровел и упорно продолжал свое дело, пока не свергнул самодержавия с его буржуазными подпорками. Эта активность революционного класса не вошла в художественное сознание упомянутых мастеров, которыми по достоинству гордится русское искусство.

Создавая прекрасные, впечатляющие полотна, они не были связаны с сущностью русской революции. Самый искренний и самый талантливый из

П. А. Владимир

Н. Шестаков.

ность революционных масс, напр., А. Любимов. Он выступил, как талантливый рисовальщик, в сатирических журналах «Сигналы» и «Леший». Его «Народная свобода в затруднении» представляет действительно замечательное положение либерала, очутившегося между придворной каретой и революционным пролетариатом, смотрящим исподлобья на его аквилибристику. Любопытен также его «Хоровод», где крестьянин, при-

В. Серов.

«Солдатушки, браво, ребятушки, где же ваша слава?»

А. Владимиров.

Из собр. Музея Революции.

9 января 1905 г.

Смертная казнь совершена.

павший к земле, отрывается от наседающего на него плеса паразитирующих попов, кулаков, генералов. В очень выразительной акварели «Звездная палата» он изображает правящие сферы, сбившиеся в паническом ужасе перед революцией. В тех же журналах обращает на себя внимание Фомин своими реалистическими рисунками на темы о земле: «Ваше благородие, а без твоей справедливой оценки дело не обойдется?» и мужики с вилами на фоне жуткого зимнего пейзажа.

Эти два художника уже подходят к марксистскому пониманию 1905 года. К ним примыкают: — Н. Шестопалов, Н. Пирогов, П. Ефимов, Зайцев и другие, уснащавшие сатирические журналы того времени своими неказистыми, но правдивыми изображениями народных движений. Однако действительными основоположниками художественно-реального воплощения 1905 года являются С. В. Иванов, Н. А. Касаткин и И. А. Владимиров, — художники квалифицированные и к тому же непосредственные участники и наблюдатели революционного движения. Они создали полотна, в которых выразилось непосредственное знание рабочих и крестьянских сил и интересов.

Иванов в конце 80-х годов изображал крестьянскую массу в ее стихийном стремлении к освобождению, проявляющемуся в течение многих веков. Первая его картина «Переселенцы» изображает уход крестьянина от земельной тесноты в Сибирь, на вольные земли. Подметив в переселенческом вопросе инстинкт древне-русского колонизатора, Иванов углубился в историю; а в 1905 году вместе с взрывом революции он вернулся к современности, стал одним из руководителей вооруженного восстания в Москве и увековечил моменты революционной борьбы этого времени в картинах: «Успокоение крестьян в деревне», «Баррикада», «Стачка», «Студенческая демонстрация», «1905 год в Москве» и др. (См. «Кр. Нива» 1924 г. № 3 и 1925 г. № 35.) Эти картины являются по качеству живописи и по исторической верности ценнейшими памятниками эпохи.

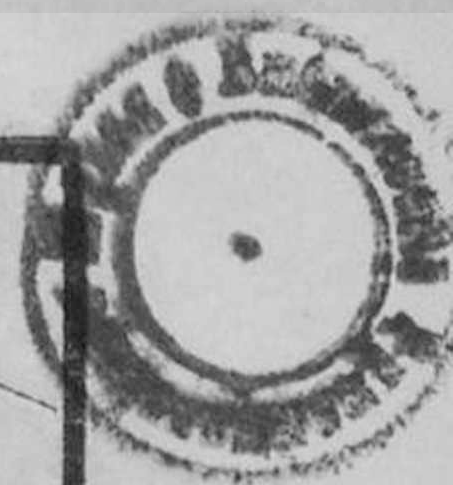
Н. А. Касаткин, сын московского рабочего-литографа, начал свою деятельность картинами из рабочей жизни: «Шахтерка», «Угледобытчик», «Осиротели», в которых упорно проводил идею освобождения городского рабочего. В 1905 г. он написал «Свиданье в тюрьме», «Забастовка» и несколько других, бедных по краскам, но очень правдивых по содержанию картин. И. А. Владимиров, очевидец расправы 9 января, дал несколько картин из эпохи 1905 года, сурово реалистичных и бодрых по настроению. Он, подобно Иванову, имел возможность убедиться в

Б. Кустодиев. Победоносцев.

Я. ТЕПЛИН.

...людей революционного движения и отметить в нем черты действительно важные. Волнения 1905 года, потрясшие Россию снизу доверху, запечатлены в многочисленных иллюстрированных изданиях России и Европы и отразились на искусстве большинства русских художников: Сурикова — «Красную Пресню», Сурикова — «Стеньку Разина», Врубеля — «Крушение идолы» и Кшесинскую и пр. Конечно, все вышеуказанное относится к живописи 1905 и 1906 годов, сошедшей под свежим впечатлением революции и имеющей значение исторических свидетельств. Впоследствии, и в особенности после 1917 года, появилось множество картин, посвященных 1905 году, в которых первая революция уже дышит легендой. В дальнейшем их будет еще больше, но пока не появилось таланта, способного достойно увековечить героические образы 1905 года.

Баррикады.

Гравюра на дереве А. И. Кравченко.

Вотта.

НА ПРЕСНЕ.

Очерк Александра Яковлева.

Со среды 7-го по воскресенье 11-го декабря митинги, уличные столкновения с полицией и войсками и, наконец, баррикадные бои происходили в самой Москве, за пределами Пресни. Пресненские дружины уходили сражаться на Тверскую, Садовую, Арбат, на Театральную площадь.

Москва уже вся кипела в восстании, а Пресня в эти дни была спокойна. Войска здесь почти не показывались, перестрелка была только один раз с казаками, захватившими в Волков переулок. На улицах еще не было ни одной баррикады.

К вечеру 11-го выяснилось, что войска в городе побеждают. Артиллерия, переезжая из улицы в улицу, с площади на площадь, громила баррикады и постепенно вытесняла дружинников из центра города.

Утром в понедельник, 12-го декабря, на митинге в столовой Прохоровской фабрики было постановлено начать постройку баррикад на Пресне. С пением революционных песен тысячная толпа двинулась из столовой на улицу, и в течение каких-нибудь трех часов вся Пресня покрылась баррикадами. Рабочие лихорадочно пилили столбы, снимали ворота, тащили телеги, сани, дрова, доски, проволоку, камни, старые рамы, ящики, все складывали поперек улиц, поливали водой и засыпали снегом. Особенно большие баррикады были построены у Зоологического сада и у заставы. Во многих дворах были разобраны заборы, чтобы дружинникам во время боя было удобно переходить из улицы в улицу. Дружинники, вытесненные из других районов, в этот день начали стекаться на Пресню, — сила их быстро возрастала, и уже ни войска, ни полиция не решались больше проникнуть в пресненские улицы...

Так начались знаменитые дни пресненского восстания.

Для поддержания порядка на Пресне был избран особый Совет из пяти лиц, — 2 большевика, 2 эсера и 1 меньшевик. Во главе восстания стал большевик Седой (Литвин).

В этот день, когда все увидели, что Пресне придется пережить нечто страшное, часть населения пустилась в бегство. Бежала буржуазия — в город, бежала и часть рабочих — по деревням... С вечера на улицах уже появились патрули, задерживающие всех подозрительных лиц.

Утром во вторник начался первый артиллерийский обстрел Пресни. Обстрел велся с двух сторон: с Кудринской площади и от Ваганьковского кладбища. Кроме того, на пресненской пожарной каланче был установлен пулемет, обстреливавший Горбатый мост и улицы Пресни. Несколько полицейских и солдат забрались на колокольню Покровской церкви и стреляли оттуда по пресненцам на выбор.

Около полудня артиллеристы подвезли пушки по Кудринской улице почти к самой баррикаде, что была у Зоологического сада. Еще момент, и баррикада была бы снесена. Дружинники бросились в атаку на солдат. Солдаты бежали. Некоторое время пушки оставались на пустой улице между противниками. Но к солдатам подоспела помощь, дружинники были отеснены, и пушки снова увезены на Кудринскую площадь.

А у Ваганьковского кладбища дружинники дворами пробрались незаметно к артиллеристам, неожиданными выстрелами прогнали их и завладели пушкой. Тут оказалось, что никто из дружинников не может обращаться с пушкой, — укатить же ее на руках под выстрелами тоже было невозможно, и дружинники принуждены были отступить, оставив пушку врагу.

Сначала пушечные выстрелы были очень редки, — словно войска выбирали, куда стрелять. Затем чаще, чаще. Били по домам, по баррикадам, просто по улице. После каждого выстрела от баррикады летели во все стороны обломки. У заставы загорелись деревянные дома.

Несколько раз солдаты ходили в атаку, но дружинники встречали их выстрелами с крыш, из окон, из-за заборов, и солдаты отступали.

Ночью все разрушенные баррикады опять были восстановлены. Ночью же, пользуясь тем, что войска уведены на отдых, еще новые отряды дружинников других районов пришли на помощь к пресненцам. Самые сильные дружины были организованы фабриками Прохоровской, Шмидта, заводом Мамонтова и Брестской железной дорогой.

Среда и четверг прошли в мелких боях. Войск перед Пресней становилось больше. Они начали окружать Пресню со всех сторон. Уже была занята Брестская дорога и весь район Ваганьковского кладбища. Сообщение с городом прерывалось. Но настроение было попрежнему бодрое, твердое. Все атаки солдат и казаков отбивались. Дружинников было гораздо больше, чем оружия. На каждую палку и револьвер было три-четыре кандидата. Сменяясь с дежурства, дружинник сдавал оружие своему заместителю. Хорошего оружия было очень мало. Револьверов, винтовок и ружей — было не больше 250, при чем часть из них была таких устарелых систем, как бульдог, смит-вессон и т. д.

Центром всей жизни за эти дни была столовая Прохоровской фабрики. Сюда собирались все дружинники, здесь обедали, отсюда расходились по постам. Сотни народа беспрерывно толпились здесь. Сюда приводили пленных, захваченных дружинниками. Здесь происходили совещания.

Недалеко от столовой, в Прохоровской школе, был устроен лазарет, а в Серебряковской, что на углу Трехгорного переулка и Средней Пресни, — провиантский склад и столовая.

Обыватели в эти дни почти не выходили на улицу, потому что пули и осколки снарядов осыпали дома, тротуары, мостовые. В эти дни дружинниками были захвачены на Пресне переодетый околоточный Сахаров, казачий офицер Дрыгин и начальник сыскного отделения Войлошников. Все они были по приговору дружинников расстрелены.

В пятницу, 16-го, утром разведчики, побывавшие в городе, сообщили, что восстание в городе подавлено, — сопротивляется только Миусский парк, — что на улицах уже появились извозчики, открылись магазины и, главное, из Петербурга прибыли семеновцы и поспешно идут сюда, к Пресне.

Войска в этот день действовали нерешительно, будто поджидали помощь. Весь день прошел в мелких стычках. Вечером в столовой «Прохоровки» было устроено совещание: как быть? — продолжать ли сопротивление или сдаться? Для всех было ясно, что с бульдогами и смит-вессонами устоять против пушек невозможно, что патронов не хватит даже на какой-нибудь час боя. Меньшевики и эсеры получили от своих комитетов директивы прекратить восстание. Но все понимали, что теперь, когда Пресня окружена, — бой неизбежен. Дружины приготовились к решительному сражению.

Ночь прошла почти в полной тишине. Слышались только изредка далекие выстрелы, да где-то за кладбищем и за поселками глухое движение. Разведчики узнали, что это семеновцы окружают Пресню со всех сторон.

Перед рассветом семеновцы начали наступление со стороны Брестского вокзала, где стояла железно-дорожная дружина. Они быстро отеснили дружинников, и заняли всю северную часть Пресни, вплоть до Большой Пресненской улицы, и начали обыскивать там каждый дом.

В 7 часов утра, 17-го декабря, одновременно с четырех сторон начался обстрел Пресни артиллерийским огнем. Стреляли от Кудрина, Ваганьковского кладбища, с Красной Горки и от Дорогомиловского моста. Огонь был необычайной силы. В каждую минуту делалось 5—7 выстрелов. Вся Пресня

задрожала, закуталась дымом и пылью. Разом в десятках мест запылали пожары. От Дорогомиловского моста действовала гаубичная батарея, производившая страшное разрушение. Огонь сосредоточивался главным образом на Прохоровской и Шмидтовской фабриках и Мамонтовском заводе. На Мамонтовском заводе загорелся склад смолы, масла и красок. Едкий черный дым окутал всю местность. Снаряды один за другим бились в стены спален Прохоровской фабрики, в дома, в фабричные корпуса. Все население Пресни попряталось по погребам и подвалам. Рабочие Прохоровской фабрики вместе с детьми и женами сидели в подвалах под снальнями.

Ни о каком сопротивлении, конечно, не могло быть и речи, тем более, что у дружинников уже не было патронов.

Дружинникам был отдан приказ спасаться по одиночке. Однако войска не посмели двинуться на Пресню до самого вечера. Только один отряд успел перейти Горбатый мост, из орудий в упор расстрелял и поджег фабрику Шмидта. Когда стемнело, дружинники начали уходить с Пресни. Перед уходом ими был взорван фугас, заложенный возле баррикады у Зоологического сада. Взрыв заставил солдат прекратить наступление, и до самого утра они стояли в нерешительности. А Пресня горела со всех сторон. Улицы были закутаны дымом и освещены красным влещим светом.

Большинство дружинников направилось к Москва-реке. По льду они перебегали под выстрелами в Дорогомилово и там скрывались в переулках. Ночью обстрел прекратился. Губернатор Дубасов прислал на Пресню предложение сдаться, угрожая в противном случае завтра с утра начать новый обстрел и тогда—обещал—не оставить камня на камне. Об этом предложении узнал владелец Прохоровской фабрики Прохоров, отсиживавшийся в эти дни в своем доме при фабрике. Он вызвал часть рабочих и предложил им начать переговоры с Дубасовым. После короткого совещания рабочие согласились: иного выхода не было. Тотчас на всех зданиях Прохоровской фабрики появились белые флаги. Два депутата от рабочих отравились к губернатору Дубасову, а другие два—к полковнику Мину, сидевшему в избе огородника на Красной Горке.

Мин потребовал, чтобы утром все рабочие вышли на улицу: мужчины без шапок, а женщины—с белыми повязками на го-

ловах и выдали бы депутатов и дружинников, а все оружие вынесли на простынях. Депутаты вернулись обратно около шести часов утра. К этому времени уже почти все видные дружинники ушли с Пресни через Москва-реку.

Утром 18-го началась сдача и вместе расправа над безоружными.

Семеновцы, казаки и полиция заняли все улицы и переулки, переходя из дома в дом, делали повальный обыск.

Население, пережившее весь ужас бомбардировки, бро-

силось убежать с Пресни. Пропускали только через Горбатый мост и Малую Грузинскую улицу. Здесь собрались огромные толпы. Первые два-три часа семеновцы пропускали всех без обыска и опроса. Этим воспользовались дружинники, случайно оставшиеся на Пресне, и ушли и, уходя, некоторые даже унесли с собой оружие. Из дружинников на Пресне почти никого не осталось.

В каждом доме семеновцы и казаки вызывали дворника и спрашивали: есть ли здесь рабочие? Им указывали квартиры рабочих. Они обыскивали, допрашивали, арестовывали всех, кто казался подозрительным, и отправляли на Прохоровскую фабрику, где в товарной конторе сидел полковник Мин, чинивший суд и расправу. Мин и другие офицеры в одну минуту решали: расстрелять, наказать плетью, отправить в тюрьму. В 4 часа дня начались массовые расстрелы. Семеновцы выводили рабочих партиями к стене мануфактурного склада и здесь расстреливали. Других секли плетью на заднем дворе...

В то же время кучки солдат офицерами во главе

обходили другие фабрики и заводы. Вместе с ними ходили полиция и шики. Всех причастных к восстанию расстреливали на месте или уводили на Москва-реку и там расстреливали на льду. Тела спускали в прорубь или полиция и дворники перевозили их во двор пресненской пожарной части. Три дня продолжалась кровавая расправа. Сарай при пожарной части были битком набиты трупами расстрелянных. Улицы Пресни представляли самую печальную картину. Часть домов обгорела, ворота и заборы были повалены, кое-где торчали из пожарища печи и трубы. А фабрика Шмидта и склады на заводе Мамонтова еще продолжали гореть. Только через пять дней пожары прекратились сами собой.

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ.

В. С. Сварог.

Плакат к юбилейному празднованию 1905 г.
(Премирован Комиссией ЦИК СССР).

Н. И. Белянин.

(Музей Революции в Москве).

Порядок восстановлен.

На другой день с утра, под тем предлогом, что, несмотря на все усилия революционного комитета, в городе не удастся покончить с хулиганством, а также в виду явного бессилия полиции, перед губернаторским домом был выставлен караул из десяти дружинников, который не пропускал никого ни в губернаторский дом, ни обратно без опроса—в целях охраны губернаторской безопасности.

Скоро ветер донес до нас дым горящей Пресни, отзвук свистка с паровоза машиниста Ухтомского, треск Голутвинских расстрелов.

Однажды, проезжая мимо извозничьей биржи, в двух шагах от «Золотого Якоря», я услышал крик:—Эй, Павел Иваныч, остановись...

Мой извозчик, Павел Иваныч, остановился.

И через минуту нас окружили со всех сторон; лошадь Павла Иваныча взяли под уздцы, а меня замкнули неразрывным и злобным кольцом.

— Ну, довольно—достаточно. Побаловали—и будет. Может, завтра с тобой рассчитаемся, а может—и сейчас... Как нам это покажется.

И один из извозчиков пробует—берется за воротник моей куртки.

— Теплая, мать ее... Вишь, как вырядился.

Моя рука в кармане куртки уже согрела холодный браунинг. Я выхватываю его и стреляю в воздух, извозчики шаркаются в сторону, я даю Павлу Иванычу кулаком в за-

тылок и мы благополучно под'езжаем к под'езду «Золотого Якоря», где стоит на карауле наш дружинник.

В этот день вечером совершенно случайно около Народного Дома я встретил председателя Окружного Суда, либерала, не лишённого некоторого гражданского мужества, которым он испортил свою карьеру.

Поравнявшись со мной, он совершенно неожиданно подошел ко мне, поздоровался и заговорил о каких-то безразличных и ничего незначащих вещах. В первый момент меня это очень удивило, так как хотя я и был знаком с ним, но никогда никаких личных разговоров не вел; тем более было странно, что первый наш разговор начался при существовавших тогда отношениях и обстоятельствах.

Но скоро в его легком разговоре я начал улавливать некоторый более глубокий смысл.

Он неожиданно спросил меня:

— Вы не находите, что здесь отвратительный климат?

— Нет, отчего же? Обычный для северных губерний.

— Вы где родились?

— На юге Сибири.

— Ах, так?... Ну, в таком случае вам, южанину, совершенно необходимо уезжать отсюда.

— Куда?

— Ну, да хотя бы на Лазоревый берег, на Ривьеру, в Голландию—куда хотите. Но это вам нужно сделать немедленно.

Он очень любезно пожал мне руку и зашагал дальше по бульвару прямой и гордой походкой.

КРАСНАЯ ИИВА

М. Черныш

КРАСНАЯ НИВА

№ 52 — 20-го декабря 1925 г.

ИЗ ПОЭМЫ 1905 ГОД.

Я помню май, плывущий митинг,
Вечер ясный и глубокий.
Связали солнечные нити
Плывущих в радужный клубок.

Балалайки и гусли
Играли для отвода глаз.
Десятки лодок, словно гуси,
Покачивали плавно нас.

Полицейские ищейки
Обнюхивали берега.
Но запах сладостный и клейкий
Кадил дальние луга.

Остро поблескивал очками
Оратор, вставший на корму.
Размахивая руками,
Он плыл в грядущую страну.

Звенели мысли тверже стали.
Самодержавья таял лед.
Сердца, как птицы, трепетали,
Готовясь в дальний передет.

Плеханов, Ленин, Маркс и Бебель.
Слова, как молнии, остры.
Буйно разгорались в небе
Созвездий ясные костры.

Качался наш цветистый табор.
Вдруг суматоха, смех и визг:
Упал заслушавшийся за борт
Восторженный гимназист.

Над тишиною Волжской дали,
По мановению руки,
Торжественно перекликались
Пароходные гудки.

Часы неслышные бежали,
Дышали буревые дни.
И в нижней бездне отражались
На мачтах красные огни.

Таяли обиды пятна.
Сердце в бой рвалось скорей.
Созвездьем близким и понятным
Светился город на горе.

М. Х. ГЕРАСИМОВ.

ПРЕСНЯ 1905 ГОДА.

Немыслимой жертвой, последней мукой,
о, Пятый, пророческий год,
ты щедро платил за детей и за внуков,
за гордость Октябрьских высот.

Хозяева тюрем, штыков и нагаек,
дрожа пред восставшим рабом,
у неба подмогу в те дни вымогали
и стучались об землю лбом.

Волна мятежей, захлестнув все дороги,
грозила: «найду! доберусь!»
И глазом Азефа, в смертельной тревоге,
водила жандармская Рузь:

а к горлу, кольцом забастовок и стачек,
зловещие двигались дни,
и силу у сильных из рук, словно мячик,
глумясь, вырывали они.

Сдаваясь для вида на милость народа,
впервые, за много веков,
встречали прекраснейшим словом: «свобода»
властители—бунтовщиков.

Но только затихли и вихри и громы, —
враги, раскрывая игру,
смерчем избиений и бурей погромов
шатнули рабочую грудь.

Ты помнишь ли, Пресня, — вот здесь, в переулках,
под мирною сенью твоей
свистели нагайки и ухали гулко
копыта казачьих коней?

И, слышна, как стонут и стены и камни,
омытые в теплой крови.
ты ринулась в битву — всей злобою давней,
всей болью утрат и любви.

Прижав к баррикадам, прижавшись к заборам,
когда умирали мужья, —
здесь женщины щелкали глухо затвором
подхваченного ружья.

Декабрьскими днями убитая Пресня
в неравной и смертной борьбе,
тебе — наша гордость, тебе — наша песня,
и слава и верность — тебе!

В. Е. ИЛЬИНА.

